

В НАШЕМ девятом классе Кутуликской средней школы Аларского аймака Усть-Ордынского Бурятского национального округа Иркутской области все без преувеличения любили математику.

Моим друзьям-однокашникам любовь к точной науке передалась от Анастасии Прокопьевны Копыловой, матери будущего писателя. У нее мы учились четыре года. Одно время, кажется, в восьмом классе, у Коли Иванова по каким-то причинам не стала «получаться» алгебра. Он нервничал, нередко затруднялся в решении задач. Чуткая и внимательная Анастасия Прокопьевна сразу же заметила неполадки, но, Боже упаси, не упрекала, не читала нотации, а поговорила с парнем наедине, как бы между прочим, пригласила на дополнительное занятие, а потом — на консультацию, другую, третью. Через некоторое время, смотрим, Коля заметно повеселел, легко и быстро стал справляться с задачами, а в десятом вышел в число сильнейших.

Среднего роста, подтянутая, симпатичная; Анастасия Прокопьевна быстрыми шагами входила в класс, и сразу же становилось как-то светлее вокруг.

Одевалась она, как и все учителя того времени, просто и аккуратно. Нашим девочкам очень нравилась прическа Анастасии Прокопьевны — она была какая-то особенная — свои пышные, длинные и светлые волосы складывала на голове сзади и закалывала красивыми костяными шпильками. В голубых глазах учительницы горел живой огонь, в жестах и движениях ее чувствовалась энергия, сила, в общении — высокий педагогический такт. Она доступно и понятно объясняла нам самые сложные темы. Знала их настолько безукоризненно, что уже это вызывало в нас что-то вроде преклонения перед своей учительницей.

Я, как и все тридцать четыре ученика Кутуликской средней школы выпуска 1940

года, не помню случая, когда бы Анастасия Прокопьевна повысила на кого-либо голос или отругала. Такого быть не могло. Воспитанная и культурная, наша математичка постоянно была ровной, выдержанной, собранной и сосредоточенной. А ведь мы тогда вовсе не были кроткими существами, агнцами.

Позже, после войны, когда я встретился и беседовал с Анастасией Прокопьевной, она охарактеризовала нас очень кратко: «Бойкие ребята были, веселые...»

Не допускал из нас никто даже мысли прийти на уроки Копыловой неподготовленными — совесть не позволяла. И не из-за страха какого-то, а из уважения перед талантливым, внутренне организованным, прекрасным преподавателем, человеком чистой и красивой души. Она не любила ложь, подхалимство, беспринципность, болтливость и высокомерие...

ЗНАВАЛ я и ее семью. Анастасия Прокопьевна — ласковая, добрая, заботливая и удивительно нежная мать. Заботливость матери в сочетании с ее строгостью, эрудицией педагога помогали в духовном созревании Миши, Гали, Володи и Саши.

В воспитании детей участвовала и ее мать Александра

Африкановна (1870—1961), которая в свое время работала в Иркутске домашней учительницей. Она не жалела сил и времени для любимых внуков — рассказывала им народные сказки, читала лучшие произведения классики. Саша отличался особой страстью к чтению. И бабушка, всячески поддерживая его

привязанности, обычно просила его кратко рассказать о содержании книг, они беседовали о том или ином писателе. Когда же Саша писал сочинения по литературе, тут уж и Анастасия Прокопьевна не проходила мимо — тщательно просматривала их. Дома имелись гитара, мандолина, доставшиеся от деда по матери. — Саша учился и любил играть на этих музыкальных инструментах.

Так вот, Александр Вампилов под приглядом матери и бабушки прошел первоначальную школу жизни, своеобразную домашнюю академию.

Сама семья Анастасии Прокопьевны олицетворяет дружбу двух народов — бурятского и русского. Я хорошо помню отца Александра Вампилова — учителя словесности Валентина Никитича Вампилова (в Алари, как и во всей Бурятии, произносится его фамилия с ударением на ее

первом слоге, а не на втором). Если Анастасия Прокопьевна считалась талантливым математиком, то Валентин Никитич был столь же даровитым литератором. Потомок от древнего Хонгоровского рода аларских бурят Предбайкалья, он оставил заметный след своей просветительской деятельностью не

только в Алари, но и во всем Приангарье. В детские годы я не раз слышал о нем рассказы своей старшей сестры Гали, учившейся у него. Она говорила о Валентине Никитиче, как о человеке больших знаний, широкой души, благородном и гуманном педагоге.

НАВЕРНОЕ, в ранние годы жизни многие увлекаются поэзией, пишут стихи. Пытался, грешным делом, сочинять стихи и я, причем на русском языке, что очень забавно. Вырос я в глухом бурятском селении, где говорили на родном языке, и окончил бурятскую начальную школу. Можно сразу понять, что за опус мог выйти из-под пера такого юнца.

И вот, нуждаясь в квалифицированном учителе «делать стихи», я после мучительных колебаний все-таки отважился обратиться со своими проблемами к Валентину Никитичу

Валентин Никитич тепло принял меня, как показалось, даже обрадовался моему приходу, отнесся с должным пониманием. Я подал ему свои вирши. Он стал внимательно читать, и я заметил, как на его лице постепенно угасала улыбка. Но он спокойно, с уважением, как будто со взрослым человеком, начал со мной разговор. Рассказывал, вернее, растолковывал, что собой представляет стихотворение, как литературный жанр, и что получилось у меня... Я аспотел, будто нес на плечах непосильно тяжелый груз. В конце беседы Валентин Никитич как-то неожиданно заметил:

— Может быть, ты будешь поэтом, но сейчас у тебя стихов-то и нет... Но ты не отчаивайся. Учись писать, писать вообще — это очень хорошо, писание развивает человека, учит его думать, мыслить... Надо будет — приходи... Потолкуем...

К большому сожалению, дальнейшее, более близкое мое знакомство с Валентином Никитичем прервалось, а о консультациях его не могло быть и речи — в начале 1938 года он был репрессирован, и лишь в феврале 1957 года по смертно реабилитирован полностью за отсутствием состава преступления.

Осиротели дети Валентина Никитича. Все тяготы и заботы о семье легли на плечи Анастасии Прокопьевны. А семья немалая: четверо детей, бабушка и она сама, Анастасия Прокопьевна. Приходилось нести на себе нагрузку сверх меры. Трудолюбивая и настойчивая, человек сильной и твердой натуры, она стойко держалась в сложных и страшных перипетиях жизни — на голову обрушивалось горе за горем — за репрессией мужа последовала тяжелая четырехлетняя война, голодное время, ранняя, в шестнадцать лет, смерть сына Володи, затем неожиданная гибель Саши на Байкале... Анастасия Прокопьевна стойко переносит выпавшие на ее долю страдания и беды.

Р. ШЕРХУНАЕВ.
Иркутск.

Александр Вампилов, учительский сын

Как у больших и малых рек, имеющих истоки, есть свое начало и у каждого человека — корни древа его жизни. Обратился к корням своего выдающегося земляка и Радный Андреевич Шерхунаев, учившийся у его родителей — замечательных в Бурятии учителей. Поэтический дар будущего драматурга чеховской школы был словно запрограммирован его отцом — учителем литературы Валентином Вампиловым. Сын его родился в год столетия великого Пушкина, и отец нарек его Александром. Пристрастие к упорядочению окружающего беспредела, боль за разрастающийся разор, редкостная грация языка и стиля — все это, видимо, получено с молоком матери — прекрасной учительницы математики.